

Оуэн Ховард заехал на стоянку и выключил двигатель. Взглянув в большое переднее окно "Мамы Джулианы", он с благодарностью вздохнул, увидев, что большая печь для пиццы выключена.

Больше никаких доставок сегодня, подумал он и устало вылез из машины.

Был уже час ночи. Четырнадцать часов подряд. Я больше не могу так работать. Деньги приличные, но мне нужна настоящая работа.

Какая, например? усмехнулся он. Никто не возьмет тебя на полный рабочий день, если ты еще учишься в муниципальном колледже и знаешь, что уйдешь, когда начнется семестр. А тебе нужна степень. Ты хочешь быть таким же, как все эти неудачники? Или как твой отец? Работал по шестьдесят часов в неделю, чтобы свести концы с концами, пока не умер?

Оуэн вошел в ресторан и выбросил разогретые пакеты в корзину. "Все готово на сегодня?" - спросил он Джимми Кларка, одного из двух других водителей, работавших в позднюю смену.

"Да", - ответил Джимми, протирая прилавок. Мы с Бобом уже обналичили деньги. Давайте наведем здесь порядок и уберемся отсюда".

Вместе с Бобом Стэнли, Оуэн и Джимми перетащили остатки теста в холодильник, подмели и вымыли пол, вымыли лотки с ингредиентами и аккуратно сложили пластиковые держатели, чтобы дневная смена могла расставить их завтра.

Он как раз собирал свои деньги из ящика, чтобы обналичить их, когда зазвонил телефон.

"Черт побери", - сказал усталый голос из кабинета менеджера. "Кто из вас забыл включить ночную службу?"

Анайя Ансари вышла из офиса и направилась к телефонному банку, длинные черные волосы развевались за ней, ее смуглая индийская кожа прекрасно контрастировала с ее хрустящей белой рубашкой, которую ей каким-то образом удалось сохранить чистой, несмотря на беспорядок в очереди за пиццей.

Она взяла телефон. "Мама Джулиана, мы закрыты", - сказала она тоном, который был лишь в малой степени вежливым. Ее брови нахмурились.

"Привет, Даррен, как дела?" - обратилась она к одному из своих дневных водителей.

Оуэн начал пересчитывать свои деньги, отделяя чеки от наличных, звенящую кучку серебра в одну сторону.

"Ты что? Нет. Нет, нет, нет, нет", - сказала она, ее голос повысился. "У меня на завтра назначено время с одиннадцати до семи. Вы не можете позвонить сейчас. Я не могу тебя заменить."

"Нет, ты послушай меня. Я была терпелива с тобой и с этим саентологическим дерьмом. Но если завтра ты не явишься на работу, ты уволен".

Даррен, очевидно, сказал что-то, что еще больше разозлило Анайю.

"Свобода вероисповедания не означает, что ты можешь прогуливать работу и не иметь никаких последствий, Даррен. Либо появляйся, либо ищи другую работу".

Небольшая пауза, а затем ее голос стал тише.

"Ты прав, Даррен. У меня очень негативное отношение, и тебе, наверное, будет лучше без нас. Наслаждайся своей жизнью". Она положила трубку и набрала код ночной службы. Тут же замигала лампочка "недоступно". "Чертов идиот", - воскликнула она и сняла козырек, чтобы провести рукой по своим длинным черным волосам.

Она повернулась лицом к Оуэну. "Хочешь еще несколько часов завтра? Даррен только что ушел от нас".

"А как насчет Боба или Джимми?" спросил Оуэн, затем медленно повернулся, ища их. Их нигде не было. "Ох."

Анайя мрачно улыбнулась и кивнула. "Они улизнули, как только услышали, что я кричу на Даррена. Думаю, им не нужны лишние деньги". Ее взгляд остановился на нем.

Оуэн закрыл глаза. Еще восемь часов работы могли означать более сотни баксов в качестве чаевых, особенно когда шли выпускные вечера, когда школы закончились.

"Хорошо. Но я ухожу домой в семь часов вечера", - сказал он. "Я работал с пяти до девяти, хотя вечером попросил выходной, чтобы пообедать с мамой, сестрой и ее парнем, помнишь? И на следующей неделе я смогу взять несколько смен Даррена. Вечерние смены, так что я смогу заработать приличные деньги".

Анайя кивнула. "Договорились. Давай обналичим твои деньги, и ты сможешь поехать домой".

В тесном офисе Анайя составила список его отправок, а затем начала подсчитывать деньги, которые он принес, плюс квитанции с кредитных карт. После этого она добавила стандартную плату за доставку для водителей. Оставшаяся стопка была пододвинута к нему. "Сколько?"

Он пересчитал и вздохнул. "Один двадцать семь с мелочью. Что ж, мы еще на шаг дальше от богадельни", - сказал он и положил деньги в карман. "Хочешь зайти ко мне сегодня вечером?"

Она покачала головой. Он когда-нибудь перестанет спрашивать? "Ты же знаешь, Оуэн, я бы с радостью, но там твоя мать".

"А как насчет твоего дома?"

"Моя мать и мой отец там. Оуэн, ты хороший парень. Но я не стану связываться ни с кем, с кем я работаю".

Оуэн криво улыбнулся. "Я понимаю". Одна рука ненадолго опустилась на ее плечо, тепло сжимая его. Она испуганно подняла глаза. "Ты тоже хороший человек, Анайя. Увидимся завтра". Он повернулся и медленно пошел к дверям.

Прежде чем он успел уйти, Анайя повысила голос: "Оуэн?".

Взявшись одной рукой за ручку, он с надеждой повернулся. "Да?"

"Будь здесь в десять для подготовки, хорошо?"

"Конечно", - сказал он с горечью в голосе и вышел.

* * * * *

Странно, подумала Анайя, расслабившись наконец в офисе, единственным звуком которого был шум кондиционера в медленно остывающем магазине, что у двух людей, имеющих так много общего, могут быть такие разные жизни. Оуэн был всего на пару лет моложе ее. Они ходили в одну и ту же среднюю школу. Им нравилась одна и та же музыка, телепередачи, и они выросли менее чем в пяти милях друг от друга. Но ее отец был вице-президентом в многонациональной корпорации, и ресторан "Мама Джулиана" был лишь одним из ее активов. После того как она окончила университет штата Айова, отец взял ее на работу, и эта работа была лишь доказательством того, что она может работать на низших уровнях делового мира. Через пять лет она получит должность руководителя и начнет пробивать себе дорогу вверх по корпоративной лестнице.

Оуэн был сыном человека, который умер от сердечного приступа, когда ему было всего тридцать шесть лет, большого дружелюбного парня, который слишком много пил, слишком много работал и почти двадцать лет работал разнорабочим. Его мать была единственным ребенком в семье кубинских беженцев, бежавших от Кастро во время "Маризельского шлюпочного похода" в начале восьмидесятых годов. Он был достаточно умен, чтобы поступить в колледж, но в связи с сокращением грантов и стипендий пытался получить степень младшего специалиста, прежде чем перевестись в четырехлетнюю школу.

Он проработал в магазине почти пять лет, начав в семнадцать лет, и был практически заведением. Он помогал ей, когда она только пришла в магазин, и она знала, что без его поддержки она бы не справилась в первые дни, когда еще только училась работать.

Поэтому ее отказ от него был похож на предательство. Они шутили о том, что идеально подходят друг другу, но она действительно шутила, а он - нет, и иногда это делало отношения между ними немного странными.

Ее рот сжался. Между нами ничего не может быть. Он ходит в муниципальный колледж уже четыре года, без перерыва и перерыва, и до сих пор не имеет диплома. Неважно, как сильно он мне нравится и какой он симпатичный.

Он неудачник. Такой же, как его отец.

* * * * *

Войдя в магазин, Оуэн достал из кармана список продуктов, который дала ему мать.

На этот раз не слишком много. Молоко, яйца, бобы, хлеб, рис и стиральный порошок. Он положил продукты в тележку и добавил к ним шесть бутылок пива, чтобы составить им компанию.

После выписки из кассы он остался с прибылью в сто с лишним долларов. Правда, утром все равно придется заправиться. Черт. Тридцать баксов на ветер.

Он нахмурился, выходя из двери на парковку. В нескольких десятках ярдов от него стояла компания подростков и слышались повышенные голоса.

Тупоголовые дети. Наверное, только что закончили школу. Даже если кто-то из них сегодня разобьет свою машину по дороге домой.

Он открыл багажник своей машины и уже укладывал продукты внутрь, когда услышал звук бьющегося стекла и рвущейся ткани, и высокий, злой голос закричал: "Убери руки, свинья!".

Оуэн похолодел. Он схватил какой-то предмет из багажника и захлопнул его. Потянувшись в карман, он вытащил сотовый и набрал 911, затем побежал к толпе.

"Эй!" - крикнул он, - "Эй! Оставьте ее в покое!".

Круг расступился, когда он ворвался внутрь, и перед ним предстала стройная девушка с темно-каштановыми волосами, одетая в блузку и длинную юбку, скрючившаяся на земле, обнажив зубы. Она выглядела дикой и одичавшей, готовой напасть на любого, кто подойдет слишком

близко. Рядом с ней на земле лежала разбитая винная бутылка, жидкость из которой растекалась по асфальту. На шее у нее висело тяжелое золотое ожерелье, а с запястий на руки свисали несколько медных и серебряных браслетов. Ее блузка была разорвана, а юбка разорвана, и он мог видеть выпуклость ее груди сквозь зияющую щель, где пуговицы оторвались.

Оуэн сосчитал головы. Пять из них. Черт. Он встал рядом с девушкой, которая пыталась подняться на ноги.

"О, смотрите", - пьяно сказал один. "Это разносчик пиццы. Пиццерист на помощь!"

"Именно так", - сказал он спокойно. "Я разносчик пиццы. А ты стоишь в Ну-Vee на Плезант-авеню в два часа ночи, пьяный и несовершеннолетний, с раненой девушкой на земле. Как ты думаешь, сколько тебе дадут слабину, когда приедут копы?"

"Копы? Нет никаких копов", - сказал главарь, толстый подросток в толстовке. "Есть только мы и ты, пиццамен. Так что бей, или тебя побьют". Он сжал кулаки и подошел к Оуэну, его дружки столпились вокруг них.

"А вот это", - сказал он, показывая им алюминиевую битую для софтбола, которую он достал из багажника. "А это, - продолжил он, протягивая сотовый телефон, на котором все еще светилась зеленая лампочка "подключено". Он нажал на кнопку громкой связи.

"Сколько времени осталось до прибытия офицеров, пожалуйста?" - вежливо спросил он, стараясь, чтобы его голос был ровным.

"Менее трех минут, сэр. Пожалуйста, оставайтесь на линии".

"С удовольствием". Он положил телефон на бок и поднял брови. "На вашем месте я бы сел и подождал, пока приедут милые полицейские".

"Пошел ты!" - закричал толстяк. Он бешено огляделся туда-сюда, затем побежал к своей машине, остальные последовали за ним. Они едва успели забраться внутрь и завести двигатель, как от окон магазина начали отражаться мигающие огни, и на стоянку въехали две патрульные машины. Оуэн направил их в сторону убегающей машины и усмехнулся, когда они с ревом помчались по Плезант в погоню.

"Вы все...", - его голос затих, когда он увидел, что девушка уже встала и идет прочь.

"Эй! Подождите!" - крикнул он и побежал за ней. Он уже почти добежал до нее, когда она повернулась и столкнулась с ним, горлышко разбитой бутылки было зазубренным ножом в ее руке, нарукавники звенели.

"Стоп!" - сказал он, подняв руки. "Я не собираюсь причинять вам боль. Я просто хотел узнать, все ли с тобой в порядке".

"Они тоже так сказали", - сказала она, сплюнув на землю. Она говорила по-английски со странным акцентом. Греческий? Славянский? Оуэн не мог разобрать. "Я сидела здесь, пила свое вино, разговаривала с Богом, и они пришли ко мне. Они хорошо со мной поговорили, и я купила еще одну бутылку.

<http://erolate.com/book/2576/62346>